

Веч. Москва. - 1999 - 20 мая. - с. 6

с. 383

Версия

Ирина ЗАПОРОЖАНОВА

— Во-первых, хочу высказать свою точку зрения на причину, повлекшую дуэль, и на ее истинных виновников, — говорит Николай Федорович. — Принято считать, что Пушкина убил любовный треугольник, образовавшийся из-за ухаживаний за его женой блестящего кавалергарда Жоржа Дантеса. Ну а если заглянуть глубже, так сказать, в первопричину? Тогда «действующие лица», составляющие «треугольник», меняются. И я убежден, истинный «треугольник» выглядит так: Идалия Полетика — Ланской — Натали.

Парадоксальный на первый взгляд вывод, не правда ли? Но — не спешите с оценкой. Тем более что аргументы, приведенные в доказательство, весьма вески.

— Ланской был любовником красавицы Поветики, — продолжает Николай Федорович. — Тому есть свидетельства современников. Но, увидав летом 1836 года Натали Пушкина, влюбился в нее без памяти, в результате чего охладил к прежней пассии. Не в характере последней было прощать подобные вещи, тем более что она действительно любила Ланского. И Идалия решила отомстить сопернице...

Так вкратце выглядит концепция этой истории. Но, следуя за ходом дальнейших рассуждений Кастрикина, подтвержденными документальными материалами, видим следующее.

Лето 1836-го года. Каменный остров близ Петербурга. Знаменитые августовские балы в зале минеральных вод. Сюда съезжалась столичная аристократия. На Каменном острове были дачи Пушкиных и Строгановых, родителей Идалии. Здесь же неподалеку как раз в это время расположился летний лагерь и кавалергардский полк, в котором служил 37-летний флигель-адъютант, полковник Петр Петрович Ланской. Вряд ли мог он не заметить первую красавицу Петербурга, жену поэта.

Скорее всего, последовавшая через годы женитьба на ней (а случилось это лишь в 1844 году, когда произведенный в генералы 45-летний Ланской был далеко не молод, особенно по тогдашним представлениям, да и «невесту» обременяла семья — четверо детей Пушкина) была продолжением того пылкого восторженного чувства, вспыхнувшего в те августовские дни. А благоговейное отношение Петра Петровича к жене известно: он окружал себя портретами красавицы еще при ее жизни, безропотно мирился с недостатками Натали, с несносным нравом жившей с ними ее сестры Александрины. Он сохранил трепет любви к Наталье Николаевне до конца своих дней, завещав похоронить себя рядом с ней и отказавшись от чести покоем в построенном им полковом Благовещенском соборе.

Зная из оценок современников о прямолинейной и цельной натуре этого человека, вряд ли можно усомниться в том, что, влюбившись в Натали, он не стал притворяться перед Идалией. По-видимому, она почувствовала перемену, не исключено, что, объяснившись с Ланским, утвердилась в догадке. Конфликт назревал.

То, что роковое свидание Натали с Дантесом произошло в доме Поветики, — факт общеизвестный.

Придя к подруге по ее просьбе (а Идалия к тому же была и родственницей Гончаровых), легковверная жена поэта застала вместо троюродной сестры своего воздыхателя, который, размахивая револьвером, грозился застрелить себя, если не добьется любви красавицы.

Возмущенная Натали убежала, обо всем рассказала мужу. Последствия этого фатального randevu также известны.

Но зададимся вопросом: зачем все это нужно было Поветике? В чем подоплека подобного поведения? Она хотела скомпрометировать Наталью Николаевну перед Ланским, — уверен Кастрикин. — Причем пришел был дальний: не от нее, Идалии, покинутой любовницы, узнал он о связи красавицы с французом, «свет» заклеймит неверную жену. И тогда уж Ланской, несомненно, поверит в ее порочность...

Но для этого нужно было предать «дело» огласке. И она произошла: «диплом роконоса», полученный поэтом, был разослан всем членам карамзинского кружка, кроме Дан-

ШАГИ К БАРЬЕРУ Кто толкнул Пушкина к дуэли?

Наталья ШЕВУНЬЕВА

теса, также принадлежавшего к нему. Последнее обстоятельство, как известно, в немалой степени способствовало «формированию» общепринятого мнения: именно Дантес и его приемный отец — Геккерн — и являются авторами этого издевательского послания.

У Кастрикина, однако, свой взгляд на происхождение этого пассивного «документа», спровоцировавшего Пушкина послать вызов Дантесу.

Не в интересах Дантеса было распространяться по поводу свидания, считает Кастрикин. И не только потому, что никаких «побед» на любовном фронте с Натали он так и не одержал, а еще и по той причине, что, став «героем» скандальной истории, он рисковал нанести ущерб и своей карьере, и карьере своего отца-дипломата. Диплом нужен был Идалии. И в доказательство этой версии приводит следующие аргументы.

Дипломы, как известно, были отправлены из ближайшей к нидерландскому посольству, где жили Дантес и Геккерн, мелочной лавки уже на следующий день после свидания. Они были написаны по-французски, на заголовной иностранной бумаге, которую, впрочем, можно было купить и в лавке. Место отправления «документов» и то, что среди адресатов не значился Дантес, слишком уж нарочито указывает на авторство Геккернова. Это настораживает. Поражает и та быстрота, с которой была провернута «операция». Ведь эти семь «дипломов» нужно было составить, размножить, адресовать. Но главное — Кастрикин делает на это особый упор — для пассивки в «Английском магазине» была специально заказана и изготовлена почтовая печатка. Она красовалась на сургуче внешнего конверта (пассивки былиложены в двойные конверты) и имела символы, иллюстрирующие содержание «дипломов». Эти и некоторые другие тщательно продуманные детали, заключает Николай Кастрикин, указывают на то, что «акция» была заранее спланирована. И единственным человеком, который имел достаточно времени на ее подготовку, ибо знал о предстоящем свидании, была Идалия Поветика.

Итак, если следовать этой версии, «дипломы» предназначались скорее Ланскому, чем Пушкину. И ход Идалии удался. Хотя цель не была достигнута: Натали устояла перед Дантесом, обо всем рассказала мужу, разоблачила ее, Идалию, как сводницу. Не входил в планы интриганки и последовавший за этими событиями ноябрьский вызов Пушкина Дантесу. И Поветика, отчаянно борясь за свою любовь, продолжает плести паучьи сети, опутывая ими все новых персонажей этой трагедии.

Это она состряпала для Дантеса хитроумный план — жениться на Екатерине Гончаровой, дабы избежать дуэли и быть поближе к ее младшей сестре. Но главное — во всех этих паучьих сплетениях должен был запутаться Пушкин.

Итак, хорошо известна какая-то даже патологическая ненависть светской красавицы (а Идалия и в самом деле, если судить по ее портрету, была прекрасна!) к поэту. Где корни, в чем причина этой ненависти? Куда ни шло — мстить сопернице, в конце концов, ревность можно понять. Но при чем здесь ее муж? Ведь и он-то по сути сторона пострадавшая?

Быть может, Пушкин как личность был просто несовершенен с Идалией в силу своего характера, темперамента? Прямодушный, доверчивый, честный, добрый — полный ее антипод. Не служили ли эти качества постоянным укором ее двуличию, коварству, лживости, злобе? Увы, такое нередко случается в жизни: порок ненавидит добродетель, казалось бы, без видимых причин, только лишь за то, что

С Николаем Кастрикиным, жителем Зеленограда, читателя «ВМ» уже знакомы. Ученый, кандидат биологических наук, он на протяжении многих лет последовательно занимается литературной работой. Особый предмет его изысканий — исследования некоторых страниц жизни классиков мировой литературы, точнее — попытки разгадать тайны, которых, увы, немало кроется в писательских судьбах. Шолохов, Есенин, Шекспир, Маяковский, Лермонтов — в жизни и творчестве этих литературных колоссов немало доселе не разгаданных «белых пятен». И зеленоградский исследователь, изучая и анализируя литературный материал, выдвигает свои, порой неожиданные версии. Увлекаясь «детективным» аспектом литературоведения, Николай Кастрикин, естественно, не мог пройти и мимо гибели Пушкина. Ведь, несмотря на многотомные исследования и общеизвестные факты, многое в трагической судьбе поэта остается неясным. И гипотеза зеленоградца, по-новому расставляя акценты в череде роковых событий, на наш взгляд, представляется хотя и спорной, но и небезынтересной.

она — напоминание о собственном ничтожестве. Не из этого ли ряда и отношение Поветики к поэту?

Ведь, как известно, даже в глубокой старости (а пережила она Пушкина на 53 года), узнав, что в Одессе, где она завершала свой век, собираются ставить памятник Пушкину, Поветика кричала, что плюнет на его статую.

Высказываю эти предположения своему собеседнику.

— Нет, — не соглашается Кастрикин. — С 1831 года, когда Пушкины переехали в Петербург, и вплоть до 1836-го отношения их с Поветикой были самыми дружескими. Об этом свидетельствуют письма поэта к жене, где нередко упоминается Идалия. Исследователи до сих пор ломают голову, откуда же взялась эта дикая ненависть. Но потом — год говорили, а еще — Александрина...

Вот он, еще один персонаж этой кровавой драмы. Но прежде чем «раскрыть» эту очередную интригу, задумаемся над тем, что знаем мы о самой Поветике.

По-видимому, рядовому читателю известно о ней не так уж и много. Кастрикин же, заинтересовавшись этой явно неординарной личностью, собрал о ней сведения буквально по крупицам. И постепенно схематичный образ обрел черты живого человека. Вот что рассказывает Николай Федорович об этой женщине.

По матери португалька, Идалия Поветика была незаконнорожденной дочерью графа Строганова (она появилась на свет до того, как родители оформили свои отношения). И до конца жизни считалась его «воспитанницей», впрочем, так и не смирившись с этим. Вышла замуж за кавалергардского полковника, прозванного «Божьей коровкой». Была она женщиной двуличной, злой на

язык, недоброжелательной и желчной, но при этом — редкой, какой-то задумчивой красоты, блестящего ума и неоспоримого обаяния. Характер — не по-женски твердый, властный, целеустремленный. К достоинствам можно отнести постоянство в любви. И к тому же обладала незаурядным даром интриги...

Понятно, что такой человек и в ненависти своей постоянен, и сумеет отомстить. Но почему же Пушкину, поэту?

— Дело в том, — поясняет Николай Федорович, — что она была абсолютно и до конца своих дней убеждена, что Пушкин любил не Натали, а ее среднюю сестру Александрина. Она уверяла, что та сама однажды призналась ей как подруге в интимных отношениях с ним. Эта связь с доверенной ому на воспитание сестрой жены и служила Идалии основанием для ее граничащей с презрением ненависти к поэту и, по ее мнению, освобождала ее от всяких моральных норм по отношению к нему.

Она, продолжает далее Кастрикин, подстрекает Дантеса к ухаживаниям за Натали после спланированной ею женитьбы французом на Екатерине: мол, не грех насолить Пушкину, раз он и сам не безгрешен. К чему привело все это — известно. Но и трагедия не заглушила злобы Идалии: «Говорят, что Натали по-прежнему очень подавлена».

Я бы хотела верить этому... Я ни о чем, ни о чем не жалею... Я в восторге от этого светского междоусобия», писала она в октябре 1837 года в письме к Екатерине и Дантесу.

До самой своей смерти цеплялась эта полугениальная, как называется ее зеленоградский исследователь, интриганка за ложную, искусственную версию, будто Пушкин стрелялся с Дантесом не из-за жены, а из-за любовницы, косоглазой

Версия

Александрины, боясь, что тот увезет ее во Францию.

— Кстати, известно, что у смертного одра поэта в числе прочих находилась и мать Поветики. Неужто из сострадания и любви? — спрашиваю Николая Кастрикина.

— Отнюдь, — отвечает мой собеседник. — Для Идалии январская дуэль и умирающий Пушкин явились сюрпризом. Она сама признавалась Дантесу, что «больна от страха». И не удивительно...

Как свидетельствуют факты, Пушкин при своей несомненной доброте был человеком мстительным. Чего стоит лишь так называемый «реестр мести» — список обидчиков-

в подробности о ее истории, на которую делает критические замечания так просто и внимательно, как будто ничего иного у него в эту минуту в уме не было».

И далее Жуковский говорит о беззаботности, с которой было написано это последнее в жизни поэта письмо. Беззаботность эта и в самом деле не может не вызвать недоумения. Действительно ли предстоящая дуэль ничуть не волновала Пушкина? Скорее всего, считает Кастрикин,

поэт делал вид, что поединок не только не волнует его, но и вовсе не заслуживает внимания. Он принял на себя роль не жаждущего крови ревнивца, желающего отомстить, а слугителя муз, в силу обстоятельств вынужденного отвлечься от более важных дел, чтобы мимоходом наказать противника своей не знающей промаха рукой.

Об этом свидетельствует поведение Пушкина не только в утро перед поединком, но и на Черной речке, непосредственно перед дуэлью: усевшись на сугроб и равнодушно поглядывая на выпатывающих в снегу дорожку Данзаса и Дантеса, он торопит обращающихся к нему секундентов, даже не вникая в то, что они ему говорят. Мол, все равно, лишь бы поскорее... Эти нетерпеливость, беспечность, как уверен зеленоградский исследователь, и предопределили в значительной мере трагический исход поединка.

— Читал ли Александр Сергеевич условия своей дуэли с Дантесом? — спрашиваю Николая Федоровича.

— В том-то и дело, что не читал, — отвечает мой собеседник. — «Умнейший человек России» согласился на письменное изложение условий поединка, даже не взглянув на них. А там, между прочим, был важный пункт: «Противники, по данному знаку, идя один на другого, ни в коем случае не переступая барьера, могут стрелять»...

— Что и сделал Дантес...

— Да. Он начал целиться и выстрелил на ходу, за шаг до барьера.

— Но ведь попасть на ходу не просто...

— Дантес был превосходным снайпером. Еще в военном училище Сен-Сир он стал чемпионом состязаний по стрельбе в голубей на лету. Только такой мастер мог позволить себе значительно снижающий меткость (зато первый!) выстрел на ходу.

— А Пушкин знал об этих талантах своего противника?

— Дантес сознательно скрывал свое снайперское мастерство. Фактически сверхметкий стрелок, не предупредивший об этом тоге, с кем будет стреляться, совершает предумышленное убийство.

— Но ведь и Пушкин был превосходным стрелком...

— Отличным. То, что он всаживал пулю за пулей в туза и носил для укрепления твердости руки железную трость, — факты известные. Но — и в этом главная его ошибка, — неправильно истолковал уклонение Дантеса от первой дуэли не как стремление спасти дипломатическую карьеру отца, а как трусость и неуверенность в собственной меткости, явно недооценил противника. Ну и упомянутое уже легкомыслие, с которым поэт отнесся к поединку.

Он начал поднимать револьвер, лишь достигнув барьера, и потерял драгоценные секунды, стоившие ему жизни. Если бы он изучил условия поединка, проработал варианты начала дуэли, чтобы не дать своему противнику шанса сделать выстрел первым, все могло бы обернуться иначе...

Верны ли выводы исследователя? Что ж, быть может, именно в этих недостающих звеньях истории дуэли и кроется истина?

Наверное, не одно поколение будет мучить этот вопрос. И хоть история, как известно, не терпит солагательного наклонения, как тут удержаться от бесполозной мысли: ах, повернуть бы время вспять и проиграть бы все сначала...

Наш Пушкин

Наталья ШЕВУНЬЕВА

Виктор БАКЛАНОВ

«Пушкин — величайший труженик», это отмечали все его современники, в этом каждый раз и все больше убеждаемся и мы, его потомки. Пушкинский гений произрастал на постоянно пополняемых знаниях, на неутомимой жажде знать все и обо всем. И примеров тому — великое множество. Уже в зрелом возрасте, после окончания лицей, где он блестяще освоил французский и частично латинский, Пушкин, трудясь на поэтиче-

16 языков поэта

Как-то Ромен Роллан в «Жане Кристофе» заметил, что «литература есть труд, а не вдохновение». Применимо ли это к Пушкину? Ведь мы знаем, как он ждал осени — «поры чудесной вдохновения», как нередко жаловался в своих письмах: «не знаю, придет ли вдохновение», «стихи в голову не идут», «стихи пока еще спят», «начал многое, но ни к чему нет охоты». Но еще больше известно, что когда вдохновение приходило, то каждый раз закипала напряженнейшая и неустанная работа. Волшебные строки рождались в невероятном труде. Свидетельство тому — множество вариантов одних и тех же черканых и перечерканных стихотворений, строф, строк, эпитетов, метафор. Не сразу рождались в окончательной редакции и письма, заметки, статьи.

ской ниве, в той или иной мере пользовался еще 14 языками. Назовем их: это старофранцузский, итальянский, испанский, английский, немецкий, древнегреческий, древнерусский, церковно-славянский, сербский, польский, украинский, древнееврейский, арабский, турецкий. (Любопытно, какие языки осилили наши нынешние пииты? Разумеется, кроме своего, родного, более или менее освоенного?) О степени знания Пушкиным других языков говорят его многочисленные переводы. Их столько,

что диву даешься, когда же он только успевал это делать. С французского он переводил Шатобриана, из старофранцузского — отрывки «Гяра» и «Чайльд Гарольда» Байрона, «Странники» Вордсворда, «Марианна Колонна» Барри Борнуола, с немецкого — биографию Ганнибала, с греческого — начало «Одиссеи» Гомера, с латинского — сатиры Ювенала, с церковно-славянского — отрывок «Песни песней» Царя Соломона, с сербского — песни «Три печали» Вука Караджича, с турецкого — не-

обходимые слова и выражения во время пребывания в Кишиневе.

Конечно, степень знания перечисленных иностранных языков была разной. Французский исследователь русской литературы граф Алексей Сен-При отмечал, что «слог французских писем Пушкина сделал бы честь любому французскому писателю». «Уже в зрелом возрасте, — отмечает Сеньковский, — поэт выучился по-итальянски, по-немецки, по-английски и по-польски... для чтения великих образцов поэзии и литературы. В самом чтении он отличался тою же быстротой соображения и проницательностью, которые давали ему возможность... равняться в успехах с прилежнейшими товарищами... хорошими знатоками языка, переводчиками и комментаторами по званию».

К 1835 году Пушкин свободно читал по-итальянски. Отец поэта пишет, что Александр «выучился в зрелом возрасте по-испански». Специально занимался Пушкин английским, жалуюсь на отсутствие хороших учебников и методических пособий. Труднее давался немецкий: «Только с немецким не могу сладить. Выучусь ему и опять все забуду: это случалось уже не раз». «Уже во время славы своей, — вспоминает К. Полевой, — Пушкин, живя в деревне, выучился ла-

тинскому языку, которого почти не знал вышедши из Лицея».

О гениальном даре Александра Сергеевича постигать произведение иностранных поэтов даже при небольшом знании языка вспоминали многие его современники, в том числе Сеньковский, Полевой, Шевырев. Об этом рассказывает и один из ближайших его друзей П. Нащокин: «Пушкин был человеком самого многостороннего знания и огромной начитанности. Известный египтолог Гулянов... не мог надивиться, как много он знал даже по такому предмету, каково языковедение. Он изумлял Гулянова своими светлыми мыслями, некоторыми верными замечаниями. Раз у них был разговор о всеобщем языке. Пушкин заметил, между прочим, что на всех языках в словах, означающих свет, блеск, слышится буква «л».

Постоянно интересовался поэта славянские языки. Им проработана тщательная работа по исправлению текста «Слова о полку Игореве». Здесь Пушкин предстает как крупнейший знаток древнерусского языка, что вытекает из характера его поправок «Слова». Особый интерес для него представлял и церковно-славянский язык. Находясь в михайловской ссылке, он просил прислать ему Библию. Что знала для него эта книга, можно

судить по его оценке Евангелия — основной части Библии: «Есть книга, — отмечал он в «Письме к издателю», — в коей каждое слово истолковано, объяснено, проповедано во всех концах земли, применено ко всевозможным обстоятельствам жизни и происшествиям мира; из коей нельзя повторить ни единого выражения, которое не знали бы все наизусть, которое не было бы уже пословицею народов; ...книга сия называется Евангелие, — и такова ее вечно-новая прелесть, что если мы, пресыщенные миром или удрученные унынием, случайно откроем ее, то же не в силах противостоять ее сладостному увлечению, и погрязаем духом в ее божественное красноречие».

Записывал Пушкин в свою рабочую тетрадь, а потом и переводил стихотворения Адама Мицкевича, украинские песни, собранные Максимовичем. В марте 1832 года он взялся за изучение еврейского алфавита с тем, чтобы впоследствии приступить к переводу Книги Иова. На голубом листе сохранились и начертания арабских букв с фонетическими объяснениями, сделанными рукой Пушкина перед самой дуэлью на Черной речке. Что задумывал поэт в арабистике — остается загадкой, но несомненно одно: его пульсирующая, неутомимая мысль стремилась постичь языки многих народов мира для обогащения своего родного, великого и могучего русского языка.

(По материалам Полного собрания сочинений А. С. Пушкина, изданного ГЖО «Воскресенье»).